

Чужая репутация

В пятницу вечером Аида Михайловна пришла с работы и включила телевизор. В квартире она была одна: муж в другом городе, дочь — на дежурстве. Стала переодеваться, поставила чайник. Шла передача «Ижевск вечерний».

— Следующая страничка, — сказала ведущая, — ответы на письма. В редакцию поступила жалоба...

Вдруг Аида Михайловна услышала свою фамилию. Об остальном она написала в редакции:

«С экрана объявили, что факты беспорядков в парке имени Кирова имели место и что директор Вахрушев И. А. с первого января освобожден от занимаемой должности. Письмо опубликовано на собрании работников парка. Такой ответ дала телевидению заведующая городским отделом культуры Поробова».

Вахрушев И. А. — мой муж. Он действительно работал в парке исполняющим обязанности директора, но был переведен по приказу министра культуры Удмуртской АССР директором русского драмтеатра в город Сарапул. Как же так? Спросить было не у кого. Муж приезжает домой только в субботу на воскресенье, а сейчас вообще на гастролях за пределами республики. Он мог не видеть этой передачи, надеюсь, что не видел, а то у него давление.

Дождавшись понедельника, я позвонила в горисполком, в отдел культуры тов. Поробовой. Извинилась, спросила: «Разве Вахрушев И. А. освобожден, а не переведен на другую работу?» Тов. Поробова сказала, что передачу не видела и не знает, что там говорили. Успокаивая себя, что это, может быть, какая-то ошибка, я пошла на телевидение. Редактор телепередачи тов. Овчинникова С. А. приняла меня весьма доброжелательно, внимательно выслушала и разрешила ознакомиться с ответом, данным тов. Поробовой. Посочувствовав мне, она посоветовала еще раз обратиться к тов. Поробовой. Я пошла. Представилась, попросила объяснить, сняли ли моего мужа в

ответ на жалобу или все было по-другому?

Товарищ Поробова рассердилась:

— Он же у нас не работает? Не работает! Я так и написала.

Окончательно став раздраженной, она предложила мне не заниматься делами мужа. Я возразила, что человек он мне не чужой, его репутация мне безразлична. Я хочу, чтобы лицо, давшее ложную информацию и опорочившее нашу семью, понесло ответственность. Уважаемая редакция, помогите мне, пожалуйста».

Вот такое письмо пришло в редакцию. Мне все время казалось, что у этой истории должно быть какое-то продолжение и, пока доеду до Ижевска, все переменится: уже, наверное, разобрались и без вмешательства газеты, за Вахрушева И. А., конечно же, заступились, ведь его в Удмуртии знают, уважают... Правда, вряд ли оплошность исправлена так же публично, как и совершенна.

Но зря я терзалась сомнениями. В Ижевске ничего не изменилось. Галина Матвеевна Поробова продолжает считать, что никакого урона репутации Ивана Андреевича Вахрушева она не нанесла, так как формулировка «освобожден от занимаемой должности» общепринята и ничего обидного в себе не содержит.

— Он недолго у нас работал и, надо сказать, без желания, — говорит Галина Матвеевна. — Все «уйду» да «уйду». — И вздыхает: — Никак в парк хозина не подберем...

Так, может быть, заведующая городским отделом культуры даже не знала, что Вахрушев не просто подает заявление об уходе, а поступает на новое место? Поднимаю книгу приказов по отделу. В ней написано: Вахрушева И. А. перевести на должность директора в Сарапульский драмтеатр. Основание: приказ министра культуры. Больше того, выясняется, что министр лично звонил Поробовой по телефону: не возражаете, если мы у вас Вахрушева заберем?

И после всего этого Галина Матвеевна пишет на студию телевидения свой ответ!

Встречаемся мы и с редактором «Ижевска вечернего» Светланой Аркадьевной Овчинниковой.

— Зрители к нам привыкли, следят за передачей. Вся жизнь города за неделю у нас. В прошлом году мы одно время меньше давали критических сюжетов, так сразу пошли письма: «Неостро», «Беззубо!». Зритель все замечает, — рассказывает Овчинникова.

Рубрики «Объектив обвиняет», «Ответы на письмо» — самые популярные. Здесь у наших коллег девиз: конкретность и действенность. Обтекаемые «намечены улучшения», «обсуждены возможности» решительно отбрасываются. А, например, за грубость продавщицу лишили премии — вот это конкретно. Это всем понятно. Это нравится телезрителям и нравится Светлане Аркадьевне. Потому что ответ Поробовой подходил идеально: факты подтвердились, директор уволен. До такого-то числа отремонтируют кабель, освещение улучшится. Чего же боле? Официальный бланк, подпись официального лица. Перепроверять Светлана Аркадьевна не стала, это физически невозможно при ежедневной почте в три тысячи писем. Текст пошел в эфир.

В русских былинах встречается такой персонаж — будущий богатырь, а пока младенец. «Стал Еруслан на улице похаживать, с робятами поигрывать: кого за руку возьмет, тому и руку долой, кого за ногу схватит — ногу оторвет». Телевидение порой вроде этого богатыря. Городской передаче, критикующей бытовые неурядицы, откидается эхо оглушительное. Теперь, с переходом на тот же канал, по которому идут и остальные республиканские программы, передача «Ижевск вечерний» смотрит вся республика. Телевизор в Удмуртии, как и везде, в каждом доме. Значит, сотни тысяч людей ознакомлены с версией, отличающейся от действительности. И, кстати, испытали чувство удовлетворения — виновный наказан, неполадки устраняются.

Я была в парке имени Кирова. Что хозяйство запущенное, это видно с первого взгляда. Рабо-

ты там еще столько, что уложиться в сроки, указанные Поробовой в ответе телестудии, нечего и думать. Кажется, те, кто пишет подобные ответы, смутно надеются, что сроки эти никогда не наступят.

С это виртуозное мастерство отписки! Всякий, кому доводится читать много произведений этого жанра, знает, каких высот уже достигло здесь пишущее человечество. Это ведь далеко не просто: составить фразу так, чтобы она и правды не сообщала, но и лжи не являлась. Чтобы и свою деловитость, оперативность, восприимчивость к критике показать, и грехи свалить на «стрелочника», желативно отсутствующего. И опять же так аккуратно сформулировать, что можно было бы потом толковать то так, то этак.

...Ничего не подозревавший Иван Андреевич Вахрушев в своем Сарапуле заметил, что подчиненные как-то странно на него смотрят. Желю его в Ижевске, и без того не поднимающую голову, несколько человек спросил: «А что случилось? По телевизору вчера...» и не договаривали из деликатности. Так осторожно начинают окружающие у постели больного. Дочь Вахрушевых остановил на улице бывший одноклассник и без всякой дипломатии ляпнул: «Слышал, папан твой полетел!»

А Галина Матвеевна Поробова давно и думать об этом перестала. Со Светланой Овчинниковой — другое. Она попереживала. Не то чтобы чувствовала себя виноватой, но было неприятно. И долго не забывалось, как женщина, приходившая к ней, тихо сказала: «Я уже две ночи не сплю». Но потом за делами забылось. Ведь женщина больше не появлялась.

А кроме нее, никто не позвонил, не написал. Никто.

Я прямо спрашивала у ответственных и, главное, давно знающих Ивана Андреевича Вахрушева товарищей: «Почему вы за него не вступились?» А они, оказывается, — надо же, совпадение! — как раз этой передаче не слышали. И впервые об ответе Г. Поробовой узнали от меня, не раньше! Но и узнав, лишь сочувственно кивали,

поддакивая: «М-да, нехорошо вышло». И сочувствие было какое-то вялое.

Наверное, шум и скандал мог бы произойти только в двух случаях. Либо человеку приписали что-то несусветное. («Чего страшного-то? Не сказали же, что он семерых зарезал», — мило пошутил один из моих собеседников). Либо если человек был бы очень известный, с громкой фамилией. Ну тут бы всем влетело! Впрочем, громкую фамилию Галина Матвеевна одним росчерком не написала бы. Задумалось бы ее перо, легкое да быстрое, споткнулось бы.

А самое печальное, что толчок в спину достался человеку, которому и без того трудно определить, куда ли он идет. Десять лет он пел в ансамбле песни и пляски и почти шестнадцать лет работал в Республиканском музыкально-драматическом театре. Так сложилось, что после четверти века жизни в искусстве оказался Иван Андреевич без любимого дела. Вот жена его, Аида Михайловна, перешла рубеж куда удачнее. Оттанцевав в балете, стала хореографом в спортивной школе, занимается с юными гимнастами. И прекрасно себя чувствует. Даже лучше, чем в первой и основной профессии. Вахрушев, можно сказать, не нашел еще себя. А каково искать, когда тебе далеко не семнадцать. Этот Сарапульский театр, на который его «бросили», сейчас, как я поняла из бесед в отделе культуры обкома партии, в положении прямо-таки отчаянном. Нет своего помещения, где ни играть, ни репетировать. Нет даже заведующего постановочной частью. А главное, нет своего зрителя.

И есть директор, которому очень нелегко и которому история, рассказанная выше, не прибавила ни сил, ни бодрости, ни уверенности в себе. Я от души желаю ему поскорее ее забыть. А всем остальным, причастным к этой истории, наоборот, настоятельно советуем как можно дольше ее помнить.

Г. УЖОВА,
наш спец. корр.

Удмуртская АССР.